

Когда поднимается вода...

Предисловие

В жизни каждого писателя случаются удивительные минуты, когда собственный замысел поглощает его, затягивая в самую сердцевину сюжета; когда автор начинает ощущать себя одним из действующих лиц им же сочиненной истории; когда, познакомившись с человеком, он с изумлением обнаруживает перед собой именно тот тип лица, те движения, походку — короче, живого персонажа, которого недавно сам и сочинил.

Со мной это происходило несколько раз за мою огромную писательскую жизнь. Впервые это произошло при написании романа «Последний кабан из лесов Понтеведра».

Испания... Снова — Испания... И если есть страна, где я всегда настороже, так это она.

Странное дело: попав туда, в Испанию, зрелом возрасте, я ощутила необъяснимую причастность к ее истории, культуре, национальным типажам.

В одной психологической книжке я прочитала забавное утверждение, основанное на множестве опросов и наблюдений: наиболее *толерантно* человек относится к особям типологически схожей с ним внешности.

- 6 Иными словами: азиаты симпатизируют людям с азиатскими чертами внешности, семиты — людям с семитскими чертами лица, славяне — к людям, с типично славянскими лицами.

(Достаточно спорное утверждение, если припомнить историю войн и разборок помельче между китайцами и японцами, между вьетнамцами и вьетнамцами, между племенами тутси и хуту; между арабами всех регионов и разных стран, не говоря уже о нескончаемых войнах арабов с евреями, притом что и те, и другие — семиты. Да что говорить: а все гражданские войны на земле!)

И все-таки: поскольку не вредно и за собой последить, я поняла, поразмыслив, что не знаю уж, как там насчет толерантности, но факт, что наиболее уютно, наиболее уместно и спокойно я ощущаю себя в толпе, скажем, так — средиземноморской: итальянской, французской, португальской, израильской... хотела с разбегу написать «испанской», но — рука повисла над клавиатурой. Нет, не уютно. Удивительно привычно — да, однородно и уместно в любой тамошней толпе — да, но что касается уюта...

Так вот, однажды мне в руки попала замечательная книга о средневековых странствующих музыкантах. Их незамысловатые, но пронзительные песни, такие далекие, но такие понятные; их странствия и лишения, их беззаботная любовь и коварство, их вдохновение и тоска... Тема эта меня страшно увлекла. Было бы здорово, подумала я, придумать какой-нибудь средневековый сюжет и поместить в него тех людей и ту интригу, которая вполне может разворачиваться в декорациях Иудейской пустыни.

В то время мы жили в маленьком городке посреди пустынных холмов.

После полудня там завывали чудовищно голосистые, пронзительные, неумолимо хрипатые пустынные ветра. Я понимала, как это бывало, что пустынные отшельники сходили с ума под этот вой и дьявольский хохот.

Короче, странный, театральный, диковатый замысел полностью овладел мною. Я уже всю описывала пейзажи окрестных холмов, оливковые рощи, черепичные крыши маленького городка на вершине хребта. Побродив по развалинам старинного монастыря Мартириус, уже вообразила грубую пропыленную дерюгу на плечах паломников. Я была полна идеями, лицами возможных персонажей, строчками никогда не существовавших песен труверов, хугларов, игрецов... Дело оставалось за малым: за сюжетом.

И вдруг...

Вдруг мне позвонили из нашего местного Дома культуры с предложением поработать на полставки руководителем культурных программ: ничего особенного — концерты, лекции, прочие увеселения публики. Моя аудитория, в основном — русские пенсионеры.

Я легко согласилась. И уже через несколько дней поняла, что судьба, или кто-то там по нашему писательскому ведомству, заботливо поместил меня в самый эпицентр, в самую гущу событий; причем, как бы *испанских событий*, ибо несколько прототипов немедленно сочиненного мной любовного треугольника родом происходили из Испании, и не просто из Испании, а из провинции Понтеведра.

8 И покати́лась история, и каждый день, каждая минута, проведенные мной в стенах самого обычного Дома культуры, превращались для меня в *испанское приключение*: все переключалось на другую тональность, все приобретало другой оттенок. Щелкали кастаньеты, шуршали веера, гортанно вскрикивали мои обуреваемые страстями «испанцы». Да что там! Мне пришлось сочинить три средневековых испанских баллады, зарифмовать текст Пуримшипия и много чего еще досочинить и додумать... И только ветра, самые настоящие, не сочиненные ветра все завывали, шептали, рычали, навевая на героев, да и на самого автора тему невероятной любви, одиночества, убийства... Тому театра!

Этот роман я писала с огромным увлечением. Средневековая любовная интрига, перелицованная на современный лад, терзала меня почище собственных любовных приключений. Из этого романа я, как всегда, выползла измученная и истощенная, зато вдохновленная.

Роман получился небольшой, но стремительный, изящный и страшно игровой. После чего я с облегчением уволилась со своей утомительной работенки в Матнасе, то есть в Доме культуры.

Я люблю этот роман, люблю тот период жизни, люблю вспоминать, как в соломенной шляпе тащи́лась по жаре исследовать раскопки древнего монастыря Мартириус на лысой вершине нашего городка, чтобы в одном из снов героини описать мощенную белой плиткой площадь, цоканье копыт, а также внешность и повадки трех монахов, имена которых выудила в туристической брошюре. Монахи эти истлели давным-давно, но живехонькие и опаленные жарой, продолжали в моем

романе работать на монастырской маслодавильне. Они и сейчас там: Георгиос, Йоханес и Элпидиус, налегают на ворот пресса, и крутят, и крутят жернов романного сюжета...

* * *

Один из знаменитых псалмов Давида начинается строчкой «Объяли меня воды до души моей!».

Помню, как в юности меня потрясла эта строка: образной мощью и почти физическим ощущением близкой смерти и холодного страха безысходности.

«Высокая вода венецианцев» — так называется давно написанная мною вещь, очень мне дорогая.

Это — маленькая повесть.

Люблю я этот жанр: ладный, легкий, быстроходный — как небольшая, умело сработанная мастерами шхуна. Это не рассказ, в котором надо спрессовать в десять-пятнадцать страниц «сюжет — героев — завязку — развязку — всё!», и не вольготная многостраничная бодяга, где можно расслабиться, и тянуть тягучие мысли героя на двадцать страниц, зная, что понятие «повесть» спишет все длинноты по ведомству «глубокой психологичности». И это все-таки не роман — многопалубный лайнер, с двумя тысячами пассажиров, обслуживать которых должны еще две тысячи разных мелких персонажей, включая автора, — ужасная многолетняя морока!

Нет, маленькая повесть, это...

Довольно часто на встречах и в интервью меня спрашивают о том, как возникают, как приходят к автору названия книг. Случается ли над ними долго думать, или они являются как озарения? Долго ли пребывает текст неназванным, как подкидыш на сту-

10 пеньках приюта, или его имя, как имя долгожданного ребенка, смиренно поджидает момент рождения рассказа, повести, романа — дабы поставить последнюю точку, вернее, самый яркий, завершающий книгу штрих?

А я, признаться, не всегда помню — как и при каких обстоятельствах родилось то или другое название, и в ответах обычно уклончива: идея, мол, вещи предполагала... основная мысль просвечивала... перипетии сюжета диктовали...

Но вот история одного названия всегда вспоминается мне во всех деталях, в звуках и запахах дня, в окружении такой красоты, которая оставляет в памяти след на всю жизнь.

Я говорю, конечно же, об Италии.

Впервые мы оказались в Италии в 1998 году, и маршрут положили себе такой, какой выбирают все новички: Рим — Флоренция — Венеция. Правда, мой художник еще втиснул в серединку Равенну, ничем не примечательный, провинциальный, осеняемый гулом воскресных колоколов городок... если б не легендарные мозаики Сан-Витале, к которым, как ловцы жемчуга на глубину, устремляются понимающие люди со всего мира.

Это путешествие завершала Венеция, поразившая нас с той минуты, когда ночью мы вышли из здания вокзала и перед нами в лучистом свете фонарей возник причал вапоретто и первые палаццо, похожие на изукрашенные ларцы.

Мы побыли в Венеции целую неделю, и все эти дни слились у меня в какой-то безумный салют непрерывного восторга. Впоследствии мне приходилось бы-

вать в Венеции в разное время года вдвоем с дочерью, с подругой и опять с мужем... Этот маленький город бесконечен, неисчерпаем, непостижим, даже когда ты неплохо ориентируешься в густой сети его переулков, каналов, набережных и подворотен. Но в тот наш первый приезд мы, вероятно, похожи были на истоптавших ноги безумных пилигримов в поисках очередной церкви, собора, картины, вида...

Понятно, что к вечеру мы буквально падали с ног и просто валялись у себя в номере, почитывая дешевый путеводитель (дорогой и хороший у нас украли в Риме вместе с сумкой). И так, листая путеводитель, явно состряпанный кем-то из местных предпринимателей, халтурно переведенный каким-нибудь студентом факультета славистики, я наткнулась на очередной ляп.

— Ты только послушай, — воскликнула я, — как они перевели «аква альта»! Вместо того чтобы перевести это нормально: «наводнение», они буквально пишут: «высокая вода венецианцев»! Нет, ты слышал такое?! Просто анекдот: «высокая вода венецианцев»!

В третий раз проговорив эту фразу саркастическим тоном, я умолкла, ибо с необычайной ясностью вдруг поняла, что это — название повести. Не рассказа, не романа, а именно повести — маленькой и трагически насыщенной, как все в Венеции насыщено, все пропитано драмой и красотой. В этом названии была спрятана какая-то история, которую еще надо было суметь извлечь из воздуха, приманить, сотворить... Я вскочила и стала метаться по комнате, без конца бормоча: «Высокая вода венецианцев»... «Высокая вода венецианцев»...

12 Я уже знала, что в дело пойдет все, что меня окружает: старая мебель в нашем номере, разошедшиеся ставни высоких окон, изъеденные мутной пленкой зеркала, плеск воды в канале, окрики усталых гондольеров, ослепляющие витрины венецианского стекла и даже портье за стойкой... И дождь, и мутные потоки воды на площади Сан-Марко...

Название было готово: оно дышало, звучало стихотворной строкой, оно ожидало рождения *своего* литературного текста...

Оставалось только написать повесть.

Я вернулась домой и написала ее.

Дина Рубина

ПОСЛЕДНИЙ КАБАН
ИЗ ЛЕСОВ ПОНТЕВЕДРА

РОМАН

Камни их сохранили величие, люди — нет.

Вторая Книга Царств

Часть первая

— Да, вы правы, — повторил он. — Бывают ситуации, из которых самый достойный выход — самоубийство. Только говорить об этом нельзя.

— А... как же?

— А молча, — сказал он. — По молчаливому уговору. Если совсем приперло.

Иисус Христос
В личной беседе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Сладкогласно поющий хуглар,
Находчивый и беззастенчивый,
Бродит, коротко стриженный,
И отлично знает свое дело.*

Кантиги святой Марии
(XIII—XIV вв.)

Моя должность, в сущности, называлась «Дина из Матнаса». Я так и представлялась, когда телефонными звонками собирала на концерты-лекции местных пенсионеров: здравствуйте, вас беспокоит Дина из Матнаса. (Вас беспокоит дурочка из переулочка, Саша с «Уралмаша», дунька с водокачки,